

Элла Россман

СОВЕТСКАЯ ФАНТАЗИЯ О СМЕРТИ

Платт Дж. (2017) Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге. 352 с. ISBN 978-5-94380-226-3.

В январе 2017 г. по всем библиотекам Москвы прошла разрядка: отметить юбилей – 180 лет со дня смерти Пушкина. В одной из библиотек, получивших такое задание, я работала. Коллективу было поручено придумать мероприятие по теме, и в очередной раз сотрудники с неохотой принялись за организацию «чтений» и «вечеров пушкинского романа». Повод не вызвал вопросов ни у кого из старших коллег, но удивил коллег помладше, тех, кому не исполнилось тридцати. Сложно сказать, какой именно поколенческий или личный опыт вызвал у них эффект «остранения» и позволил критически посмотреть на историю этой традиции – празднования юбилеев смерти «великих» деятелей. Так или иначе, повод вызвал недоумение, а вопрос о его происхождении был задан. И интересно, что в это же время на русском языке появилась книга, задача которой – хотя бы частично на этот вопрос ответить.

Речь идет о переводе монографии американского литературоведа и русиста Джонатана Платта «Здравствуй, Пушкин! Сталинская культурная политика и русский национальный поэт»¹. В ней анализируется первый большой советский юбилей поэта – 100 лет со дня смерти – который прошел в 1937 г. на фоне массовых репрессий и расстрелов. По грустному совпадению, книгу Платта выпустило издательство ЕУ СПб, одного из лучших исследовательских институтов России, который подвергся репрессиям и не может восстановить свою образовательную лицензию.

Праздник в честь юбилея смерти Пушкина в 1937 г. организовали важные персоны советского государства: Каменев (еще до ареста), Бухарин, Луначарский и – под их руководством – множество других деятелей самого разного уровня. При этом идея праздновать день смерти «великого поэта» не советское изобретение: похожие мероприятия время от времени проходили в Российской империи, а до этого, в 1932 г., немцы роскошно отметили день смерти Гете. Попытка устроить что-то подобное в СССР, найти своего «Гете» – только «русского народного», – и даже догнать и перегнать в этих поисках иные страны – вот чем стал юбилей 1937 г. для советской власти.

Элла Юрьевна Россман – магистрантка 1 курса, факультет гуманитарных наук, школа исторических наук НИУ ВШЭ, Россия. Электронная почта: eurossman@gmail.com

¹ На английском языке книга была опубликована всего на год раньше – в 2016 г. Исследование вышло в издательстве Питтсбургского университета, где на Факультете славянских языков и литературы, преподает ее автор.

Как и в Германии, в празднование была вовлечена вся страна, от учеников сельских школ до «раскаявшихся» и «перевоспитавшихся» авангардных художников. Известные филологи, педагоги, чиновники, рабочие, а также сам Сталин на разные голоса признавались в любви к творчеству поэта. Как становится понятно из книги Платта, голоса эти были действительно разными. Монументальная и на первый взгляд слаженная «пушкинская симфония» по сути своей оказалась какофонией, стала пространством для множества интерпретаций – и это в период, когда любая «неверная» интерпретация, как мы сегодня знаем, могла стоить ее автору жизни.

Русскоязычный читатель, знакомый с вопросом, скорее всего воспримет текст Платта в качестве продолжения монографии «Как Пушкин вышел в гении» Абрама Рейтблата (Рейтблат 2001) или рифмы к книге «Пушкин в 1937 году» искусствоведа Юрия Молока (Молок 2000). В первой рассказывается, какие социальные явления повлияли на «канонизацию» Пушкина в XIX в., вторая – все о том же сталинском юбилее. Однако Платт предлагает необычный подход к документам, которые уже не раз попадали в поле зрения исследователей. Он анализирует их при помощи классической теории хронотопа Михаила Бахтина. Задача исследователя в данном случае вряд ли заключалась в том, чтобы «реанимировать» идеи Бахтина (если они вообще нуждаются в такой «реанимации»), но тем не менее книга позволяет по-новому взглянуть на теорию. Кроме того, именно благодаря выбору теоретической рамки автор получает возможность сравнивать между собой столь разные источники: кино и газетные статьи, речи и планы экспозиций, статьи в педагогических журналах и школьные конкурсы, а также проекты памятников, методички для школьных уроков литературы, живописные изображения и многое другое.

Платт пытается выявить, какие представления о времени и истории возникают в самых разных текстах и высказываниях о Пушкине. В процессе анализа автор делает однозначный вывод: единого способа говорить о Пушкине создано не было, да и не могло это состояться внутри слишком противоречивой по своей сути сталинской культуры.

Платт выделяет два основных хронотопа, которые возникают в период празднования юбилея в дискуссиях и произведениях о Пушкине. Первый он называет «монументальным». Этот хронотоп отличает абсолютный отказ от разговора об историзме: «В центре мемориальных мероприятий национального масштаба находится либо герой, которому воздаются почести, либо бессмертный народный дух, выражением которого становятся эти мероприятия. Национальная культура представляется не как нечто, обусловленное внешними факторами и активно создаваемое, а, напротив, как некая вневременная субстанция» (С. 46). В такой интерпретации Пушкин, по природе раздражительный и склонный к хандре, оказывается источником неожиданной для такого персонажа безграничной и вневременной витальности, бессмертия. Бессмертие это, кроме того, что иллюзорно, еще и «не для всех»,

оно обещано только избранному народу, к которому принадлежит поэт, а весь праздник в его честь оказывается большим, бесконечным карнавалом национального шовинизма.

Другой хронотоп, который выделяет Платт, «эсхатологический». Для него свойственно представление, что все явления дореволюционной российской культуры были «шажками» (или, если говорить, например, о декабристском движении, вполне себе полноценными «шагами») на пути к большевистской революции и дальше, к новому миру, реальности без угнетения и боли. Этот хронотоп особенно свойствен авангарду 1920-х гг. с его стремлением к утопическому проектированию будущего, а в сталинский период он уступил монументальным формам, – однако полностью не исчез и продолжал пронизывать самые разные явления культуры, включая юбилей 1937 г. Именно этот юбилей показывает нам в том числе, насколько несовместим полный ожидания взгляд в будущее с монументальной мемориализацией сегодняшнего дня или некоего момента в истории: «Исконная и наиболее естественная тактика современных форм эсхатологии – это всегда схватка с монументализмом», – пишет Платт и добавляет, – «поэтому все популярные эсхатологические мотивы юбилея могут быть считаны как попытка подорвать тот образ национального поэта» (С. 64).

Эсхатология в такой интерпретации оказывается иконоборчеством в чистом виде, потому что ни один устойчивый исторический образ не может – и не должен (в силу своей архаичности) – оставаться неизменным, когда речь идет о стремительном движении всей культуры вперед, к непознанному, но непременно приближающемуся общественному идеалу. Такое представление о времени не может ужиться с монументальным вневременьем, которое так хорошо символизирует один из примеров в книге Платта – музей-квартира Пушкина на Мойке, где все часы показывают 14:45 – время смерти поэта.

Эстетика пушкинского юбилея оказывается «разъята», «разорвана» между двумя очень разными и во многом несовместимыми представлениями о времени, которые лишь внешне сливаются в единый педагогический проект и – шире – в попытку создать «пролетарский» культурный канон. Внутренне юбилей и все, что его окружает, – идеи памятников, дискуссии и собрания, тексты и изображения, кино и выставки, практики в школах, библиотеках, на производствах, – переполнены глубокими противоречиями, которые, обобщает автор, свойственны всей культуре сталинского периода. И тут работа Платта становится созвучна еще одному исследованию, которое переведено на русский язык – книге американского историка Дэвида Бранденбергера «Кризис сталинского агитпропа» (2017), вышедшей в издательстве РОССПЭН в серии «История сталинизма».

Сравнивая два исследования, можно вывести единую мысль, к которой оба автора подводят своего читателя: сталинская и, в целом, советская пропаганда – амбивалентный проект, который очень сложно назвать по-настоящему «успешным». Что в данном контексте значит «успешный», – отдельный вопрос

для осмысления. Для Платта (хотя он не использует это слово), это скорее внутренняя согласованность некоего пропагандистского проекта. Для Бранденбергера, который подробно исследует реакцию советских граждан на сталинскую агитацию, речь идет о ее убедительности для зрителя и читателя. Главное тут другое. По сути, и Платт, и Бранденбергер (снова и снова) «расколдовывают» для современного читателя сталинизм, в частности, сталинскую идеологию, которая в силу укорененных в нашем сознании мифов ощущается как что-то единое, задуманное дьявольски гениально, страшно-витальное, монументальное и «вечно живое». Нет, как бы говорят нам оба автора, она лишь стремилась к бессмертной монументальности, но так никогда и не достигла ее. По сути, в сталинской пропагандистской кампании много путаницы, противоречий, она была крайне хрупкой и нестабильной (что в том числе потребовало применения огромного количества насилия для контроля за населением), а многие из идей Сталина и других идеологов оказались так и не реализованными¹. И этот вывод, конечно, важен не только для академии, но и для всего российского общества – общества незавершенной десталинизации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

Бранденбергер Д. (2017) *Кризис сталинского агитпропа: Пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941*. М.: РОССПЭН.

Молок Ю. (2000) *Пушкин в 1937 году*. М.: Новое литературное обозрение.

Рейтблат А. (2001) *Как Пушкин вышел в гении. Историко-социологические очерки*. М.: Новое литературное обозрение.

Ella Rossman

THE SOVIET DEATHLY FANTASY

Platt J. (2017) *Zdravstvuy, Pushkin! Stalinskaya kul'turnaya politika i russkiy natsional'nyy poet* [Hello, Pushkin! Stalin's cultural policy and russian national poet]. St. Petersburg: Izdatel'stvo Evropeyskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 352 p. ISBN 978-5-94380-226-3.

REFERENCES:

Brandenberger D. (2017) *Krizis stalinskogo agitpropa: Propaganda, politprosveshcheniye i terror v SSSR, 1927–1941* [Crisis of Stalin's Aritprop: Propaganda, Political Education and Terror in the USSR, 1927–1941]. Moscow: ROSSPEN.

Molok Yu. (2000) *Pushkin v 1937 godu* [Pushkin in 1937]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

Reytblat A. (2001) *Kak Pushkin vyshel v genii. Istoriko-sotsiologicheskiye ocherki* [How Pushkin Came Genius. Historical-sociological Essays]. Moscow: Novoye literaturnoye obozreniye.

¹ Пример из книги Бранденбергера: так и не была написана популярная биография Сталина. Хотя биографий вождя опубликовали немало, не был создан текст, который отвечал бы запросам самого Сталина и при этом оказался интересен советским читателям (Бранденбергер 2017:60–72).